



Общие проблемы истории и философии науки

СУБЪЕКТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

В.А. Медведев

На современном этапе развития теоретического мышления субъект познания в лице отдельных исследователей и соответствующих профессиональных сообществ начинает осознавать себя в качестве субъекта формирования теоретико-методологических систем координат, в рамках которых критерии научности, рациональности, адекватности исследовательской деятельности становятся содержанием методологической рефлексии, обретают методологический смысл. Это предполагает качественное преобразование методологической культуры мышления, в частности требует обращения к субъектной составляющей познавательного процесса.

Ключевые слова: эпистемология, субъект, познание

В дискуссиях современных исследователей нередко встречается мнение, согласно которому разговоры о субъекте познания – это «вчерашний день гносеологии» или, если принять тезис Р. Рорти о «смерти эпистемологии», «вчерашний день философии». В.Е. Кемеров замечает в этой связи: «Демонтаж субъекта гносеологии естественно вписан в общий катастрофический пейзаж XX столетия... Если... вспомнить мощные атаки на спекулятивные конструкции, осуществленные Марксом и Ницше еще в XIX в., добавленные к ним в XX в. «разборки» субъекта, проделанные Гуссерлем и Хайдеггером, микросоциологией и этнометодологией, то можно принять рассуждения об исчезновении автора, субъекта и самого человека безотносительно к работам Фуко, Деррида и деконструктивистским штудиям» [1].

При этом, как отмечает В.Е. Кемеров, «в большинстве случаев, когда говорят о демонтаже или исчезновении гносеологического субъекта, не имеют в виду, что люди перестали познавать окружающее, друг друга, себя. Подразумевается утрата или разрушение

некой конструкции, в которую помещался или которой подменялся познающий человек» [2]. Здесь заходит речь о преобразовании идеала рациональности и, следовательно, о замене концептуального каркаса «классической» модели рациональности (с соответствующей конструкцией субъекта познания) новыми эпистемологическими структурами. И весь вопрос заключается в том, предполагает ли подобное изменение «уход» от исследования субъекта познания как такового или же, наоборот, требует развития представлений о субъектной составляющей познавательного процесса.

В.Е. Кемеров высказывается по этому поводу следующим образом: «Человек неизбежно становится субъектом, когда ему жизненно необходимо получить *новое знание*. Он вынужден тогда создавать новые средства, а стало быть и способности, новые точки зрения, а стало быть, и коммуникации, вынужден все это сопоставлять со своим движением по объекту» [3]. Соответственно, в современном познании «значение вопроса о субъекте не только сохраняется, но и возрастает, когда мы имеем дело с так называемыми “неклассическими” объектами. Контакты с этими объектами, их освоение или использование возможно только путем моделирования специфического способа бытия этих объектов и соответствующего *построения* деятельности субъекта. В контакте с “неклассическими” объектами субъект *выстраивается*, т.е. особым образом изменяется деятельность человека, связи его знания, способностей, средств и т.д. “Неклассические” объекты требуют и соответствующего субъекта, который разворачивается как динамическая форма, соответствующая характеру контакта с объектом» [4]. Автор особо подчеркивает: «“Неклассические” объекты – давно уже не экзотика. А вопрос о соответствующем субъекте все еще “зависает”» [5].

При этом очень важно, что отстаиваемая В.Е. Кемеровым позиция отнюдь не является частной точкой зрения. Тезис о возрастании роли субъектной составляющей познавательного процесса и необходимости формирования адекватной модели субъекта познания становится сегодня все более и более актуальным. В.А. Лекторский пишет в этой связи: «Нуждается в новом рассмотрении понятие... субъекта как носителя сознания, знания, познания. С легкой руки постмодернистов стало популярным... мнение о его исчезновении. С этим мнением нельзя согласиться. Но следует признать, что сегодня проблема субъекта... нуждается в новом понимании» [6].

«Там, где происходит поиск человеком своего жизненного призвания, поиск смысла своего существования поверх частных целей в мире, там философия начинается функционально, – пишет И.Я. Лойфман. – Познать самого себя можно не иначе как через осмысление своей деятельности, своего пути в жизни народа и в истории человечества» [7]. При этом, как отмечает В.С. Швырев, «активное, творческое начало деятельности в наибольшей степени проявляется, конечно, в *деятельности по развитию* наличных форм культуры, соответствующих способов отношения к действительности, относящихся к ним установок и норм. Именно в деятельности на этом уровне, на высоте ее возможностей раскрывается специфика “феномена человека”» [8]. Не случайно стремление «вывести за скобки познающего человека, сделать вид, что он второстепенный фактор познания или даже мешает получить значимый результат, – уходит... Все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть элиминирован без последствий для видения и понимания самого процесса познания» [9].

Характер осознания человеком себя в качестве субъекта познания обуславливает особенности познавательного процесса на том или ином этапе развития общества. Подобное осознание определяет тип научной рациональности, доминирующий на соответствующем этапе, выражается в формах конституирования эпистемологической связи между субъектом и объектом познания, а значит, определяет конститутивные параметры гносеологии, задает горизонт познавательной деятельности, обуславливает принятие и разработку в исследовательском сообществе сугубо определенных систем онтологических представлений, а также форм их конкретизации в дискурсе специализированных исследований как на уровне философии, так и в конкретных научных дисциплинах. «В XXI в. сформировался не только новый взгляд на науку, но и произошел поворот в философской проблематике и традициях философского дискурса. Парадигмальный сдвиг в науке, как это фиксируется в философско-методологических исследованиях, подразумевает переход от объективистской науки к эпистемической (диалогической), от истины как слепка с объекта – к истине как способу взаимодействия с объектом, от структуры – к процессу», – пишет в этой связи И.В. Черникова [10].

Соответственно, в данном контексте необходимо, во-первых, показать, каким образом осознание субъекта связано со всеми

названными выше параметрами, во-вторых, выяснить, в чем заключаются особенности осознания им себя на современном этапе развития познавательного процесса, и, в-третьих, рассмотреть, каким образом эти особенности определяют характер познавательного процесса как такового.

В дискурсе эпистемологического исследования осознание субъектом себя рассматривается не столько как психологическая предметность, сколько как качественный параметр субъектности познавательного процесса, т.е. речь здесь заходит не о психологических параметрах осознания, а об осознании как факторе конституирования субъектности познавательной деятельности. Параметры субъектности познавательного процесса на современном этапе его развития во многом определяются конструктивистской методологической установкой. Субъект познания все больше осознает себя в качестве субъекта *формирования* знания [11]. При этом субъектность проявляется на уровне индивида, локального исследовательского сообщества (научный коллектив), более крупных сообществ и человечества в целом. «По нашему мнению, – пишут в одной из совместных работ К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров, – признание общества в качестве субъекта познания сохраняет правомерность при строгом проведении принципа единства общего, особенного и единичного. Абсолютизация любого элемента системы «субъект» приводит к ошибкам» [12]. А это означает, что обращение в каждом конкретном случае к той или иной форме конституирования субъектности познавательного процесса требует учета того обстоятельства, что это только форма проявления (локальная проекция) комплексной, многоуровневой системы, которая фиксируется в гносеологическом дискурсе в качестве «субъекта познания».

Так, говоря об эмпирическом индивиде как субъекте познания, необходимо помнить, что он проявляется в этом качестве как носитель субъектных характеристик, которые невозможно адекватно интерпретировать, ограничиваясь уровнем «единичного», т.е. отвлекаясь от исследовательского (шире – человеческого) сообщества, вне которого эмпирический индивид по определению не может приобрести статус *субъекта* познания. В свою очередь, рассмотрение исследовательского сообщества в качестве субъекта познания требует принять во внимание, что, во-первых, без эмпирических индивидов никакого сообщества быть не может и, во-вторых, рассматривать конкретное исследовательское (человеческое) сообщество без-

относительно к родовым особенностям человека как такового настолько же бесперспективно, насколько бесперспективно рассматривать конкретного индивида в отрыве от включающих его человеческих общностей. На каждом из названных уровней (общее, особенное, единичное) субъектность проявляется по-разному, однако это не отменяет того обстоятельства, что каждый из них есть «свернутое» проявление всей системы «субъект» в целом. Игнорирование данного принципа ведет к «жесткому» редукционизму, искажает интерпретацию познавательного процесса и рождает такие феномены, как «методологический солипсизм», «радикальный релятивизм», «метафизический редукционизм» и т.п. [13].

В самом общем приближении субъект познания – тот, кто осуществляет исследование. В философии и науке второй половины XIX – начала XX в. этот некто, как правило, противопоставляется объекту познания, является «импульсом» осуществления соответствующего процесса и в то же время стремится элиминировать влияние своих индивидуальных (или групповых, если речь идет о коллективном субъекте) представлений, предпочтений и пр. на содержание получаемых в результате исследования данных о предмете его изучения. Именно в этом контексте фиксируется современное представление о «субъективном» и «объективном» как параметрах познавательного процесса. Классическая модель последнего предполагает учет субъективных факторов с целью достижения объективности получаемого в процессе исследования знания. В данном случае субъект познания, проходя через «горнило» объективистской рациональности, вступает в новую стадию осознания себя в качестве активного, созидающего, структурообразующего начала познавательного процесса. Подобное осознание основано на противопоставлении. Противопоставляя себя объекту, субъект осознает себя на фоне последнего. Названное противопоставление аксиологически оказывается ориентированным на достижение объективности знания, а следовательно, на элиминацию из теории (из системы представлений, данных об объекте) всего того, что противопоставлено «объективным характеристикам» изучаемого объекта под именем «субъективных представлений, устремлений, предпочтений» исследователя, т.е. характеристик субъекта познания.

Для того чтобы элиминировать из результатов исследования субъективные, чуждые изучаемому объекту и в то же время неотъемлемо присущие процессу познания эпистемические парамет-

ры, необходимо сформировать о них отчетливое представление. В этой логике движение к объективности оказывается процессом, связанным со все более глубоким постижением субъектом своей вовлеченности в структуру познания. Постигая субъективную сторону познавательного процесса, исследователь (и, шире, исследовательское сообщество) все глубже осознает себя как субъекта названного процесса [14]. Развитие данной тенденции приводит к тому, что идентификация субъективных параметров постепенно преобразуется в постижение субъектности познавательного процесса, что меняет представления о роли субъекта, о конститутивных особенностях познания, а также о требованиях, предъявляемых к познавательной деятельности в ходе *формирования достоверного* знания об объекте исследования [15].

Возникает вопрос: в чем различие между «субъективностью» и «субъектностью»? Считается, что субъектность есть наивысшая форма проявления субъективного – форма, в которой особенности самосознания и мироощущения индивида фокусируются в виде параметров его творческой самореализации и, в этом смысле, параметров созидательного процесса, результатом которого является преобразование реальности, опосредующей акт самореализации. В принципе, данная трактовка соотношения субъектности и субъективности является приемлемой. Однако в таком случае необходимо различать субъектность как одну из форм субъективности и другие формы последней. А поскольку для этого необходимо вводить дополнительную терминологию, представляется целесообразным трактовать соотношение «субъективности» и «субъектности» не как родовидовую зависимость в интерпретации определенного качества, а как соотношение двух «иерархически» равнозначных качественных параметров процесса познания. В этом случае субъектность не сводится к субъективности как одна из ее форм, но является качественной характеристикой познавательного процесса, связанной с осознанием субъекта. При этом содержательно субъектность трактуется в данном случае так же, как и в случае ее интерпретации в виде «наивысшей формы проявления субъективного» [16].

В этом плане *субъективные параметры* познавательного процесса и *параметры его субъектности* – это характеристики, проявляющиеся относительно разных критериев рассмотрения. Субъективность познавательного процесса – это субъективность деятельности, которая лежит в основе познания, тогда как субъект-

ность последнего – это скорее субъектность процесса, который проявляется вследствие осуществления исследователем (научным сообществом) соответствующей деятельности. Концепт субъективности отображается исходя из дихотомии «субъективное – объективное» («субъект – объект»), которая проявлена в логике «движения к объективности», требующей учета и элиминации субъективного фактора. Это взгляд на процесс познания с позиции требований, предъявляемых к *объективному* «по своей природе» научному знанию. В свою очередь, концепт субъектности основан в своем проявлении на развитии представлений о роли субъекта в процессе познания. С дихотомией «субъект – объект» (или «субъективное – объективное») он связан только косвенным образом, опосредованно. Это качество (субъектность) концептуализируется при рассмотрении познавательного процесса и знания, проявленного в результате его осуществления, с точки зрения осознания субъектом познания своей «активной» позиции в процессе постижения мира, своей вовлеченности в процесс *формирования* знания.

Обращение к параметрам субъектности познавательного процесса предполагает такое понимание этого процесса и, соответственно, отношения между субъектом и объектом познания, при котором учет субъективных параметров когнитивного акта осуществляется уже не с целью «очищения» знания об объекте исследования от искажающих его субъективных характеристик, но с целью более глубокого постижения особенностей самого этого знания. Последнее существует исключительно в пределах познавательного горизонта способного к его восприятию человека. Оно не только неразрывно связано с параметрами осознания человеком себя, но и является структурированным исходя из этих параметров, что, однако, не означает «психологизации» познавательного процесса, хотя и добавляет дополнительные измерения в систему его эпистемологических реконструкций [17].

Особенность теоретико-познавательного подхода к вопросам субъектности познавательного процесса заключается в том, что интерес здесь представляет сам ход познания. Субъектность в этом случае не является другим наименованием «субъективности». Обращение к данной составляющей познавательного процесса предполагает фокусирование на характере осознания субъектом себя в ходе освоения окружающего мира, соответственно, формирования знания, но в то же время не требует «локализации» осознания в качест-

ве характеристики личности исследователя или культуры исследовательского сообщества. Фокусирование на параметрах осознания субъектом себя смещает «точку» концептуализации от результата (знания) к процессу познания, однако не отменяет характерных особенностей гносеологической перспективы, в которой познание рассматривается в качестве такового, что, в частности, требует обращения к принципам конституирования познавательных актов. Подобные принципы в совокупности образуют модель познавательного процесса, которая не всегда трактуется в качестве универсальной с точки зрения ее объяснительных возможностей, но в то же время не является ограниченной какими-либо социокультурными рамками по своему содержательному охвату.

В этом отношении субъектность познания, акцентируемая в контексте эпистемологического исследования, проявляется на уровне структурирования изучаемого предмета. Соответствующая модель познавательного процесса, хотя и требует фокусирования на параметрах осознания субъектом (исследователь, научное сообщество) себя в ходе формирования знания, в то же время не становится от этого моделью лингвистической, психологической или социологической. И связано это прежде всего с тем, что осознание исследователя рассматривается в данном контексте как процесс концептуализации им собственных оснований, или, иначе, как конституирование исследовательской позиции, которая есть не что иное, как «место» (ниша) проявления субъекта в пространстве теоретического познания. А это требует обращения к основаниям познавательного процесса, проявляющим соответствующую теоретико-методологическую систему координат. Подобная система координат, с одной стороны, определяет особенности работы субъекта познания с идеальными объектами, инструментами познавательной деятельности, а с другой стороны, задает концептуальный горизонт осуществляемого исследования.

Теоретико-методологическая система координат – это категориальный остов, структура взаимосогласованных категорий и принципов, в которой проявляется концептуальный, смысловой горизонт познавательного процесса. Она воплощает движение мысли исследователя на уровне потенциальных возможностей актуализации содержания названного процесса, задает принципы его осуществления. При этом ее проявление в структуре познания уместно рассматривать как в плоскости отображения «объективного знания»

(К. Поппер), так и в плоскости актуализации познавательного процесса, познавательной деятельности. В первом случае речь идет об эпистемологическом образовании, представляющем собой структуру идеальных объектов, которые формализуются в виде «языкового каркаса» (Р. Карнап), «понятийного аппарата» (К. Айдукевич) и т.п. Во втором случае это остов концептуального пространства, структура категорий и принципов, выступающих в виде теоретико-методологических оснований познания и проявляющих в этом качестве когнитивный горизонт субъекта познания.

Работая с подобной системой координат, исследователь (исследовательское сообщество), с одной стороны, осуществляет концептуализацию своих оснований, и в этом выражается процесс осознания им себя в качестве субъекта познания, процесс конституирования соответствующей исследовательской позиции. С другой стороны, он эксплицирует результаты подобной концептуализации в структуре теоретических построений и тем самым переводит свое осознание в плоскость «объективного знания», выражает собственную позицию в виде определенных критериев, которые кодифицируются в качестве таковых и за счет этого проявляются в структуре научной (философской) коммуникации. В этом плане процесс концептуализации теоретико-методологических оснований исследования завершается экспликацией соответствующих категорий и принципов. А поскольку в структуре «объективного знания» проявляется не процесс, но результат концептуализации оснований, постольку подобный процесс нередко отождествляют с экспликацией соответствующих категорий и принципов.

Если рассматривать познание в логике «роста объективного знания», как это, к примеру, делает К. Поппер, то подобное отождествление вполне объяснимо. Однако познание – это не только формирование знания об объекте исследования, но и «движение» сознания самого исследователя, связанное с его способностью формировать пространство развития мысли, ориентироваться в этом пространстве, «наполнять» его содержанием, т.е. проявлять в нем определенные идеальные объекты, подчиняя их общей логике (принципам устройства) подобной системы координат.

Теоретико-методологическая система координат определяет «поведение» идеальных объектов, с которыми работает теоретик. Причем происходит это за счет того, что речь в подобном случае

идет о горизонте познания, в пределах которого движется мысль исследователя.

Здесь интерес представляют содержательные характеристики осознания современным исследовательским сообществом того обстоятельства, что знание и познание при всем их стремлении к объективности (и во многом вследствие этого стремления) являются субъектно организованными, т.е. опосредованы осознанием субъекта познания. Здесь проявляется эпистемологический (а возможно, даже онто-гносеологический) принцип, согласно которому в силу особенностей человеческого сознания мысль человека не способна существовать безотносительно к какой бы то ни было системе координат. А это означает, что любое суждение, представление, любое эпистемическое образование всегда позиционированы в некоторой системе координат. Операционализация этого принципа проявляется в признании обусловленности научного факта теорией, теории – парадигмой, а научного знания как такового – широким социокультурным контекстом, мировоззрением, которое доминирует в определенном сообществе на конкретном этапе его развития.

Принятие этого принципа предполагает качественное преобразование представлений о процессе познания. Последний трактуется как процесс освоения человеком окружающего мира, а также постижения им собственной вовлеченности в процесс воспроизводства мира, его развития – постижения себя самого, своих качеств, возможностей и особенностей как участника соответствующих процессов развития [18].

Итак, субъектность познавательного процесса проявляется как формирующее, созидающее начало в ходе освоения человеком окружающего мира, постижения им себя и того, что его окружает. Субъект формирует знание об окружающем мире и при этом определенным образом осознает себя в подобном процессе. Характер осознания им себя меняется по мере развития культуры теоретического мышления. Одной из принципиальных вех в этом процессе служит осознание дихотомии между субъектом и объектом познания. По большому счету, именно на основе этой дихотомии зарождается понятие субъекта в современном его понимании. Это понятие – не просто методологический инструмент, не случайная методологическая находка, а выражение определенного качества, которое формируется у познающего мир и развивающегося в этом процессе человека. Следующим, не менее важным шагом в процессе

эволюции субъекта познания становится постижение того обстоятельства, что процесс познания, а также знание, в котором кристаллизуются его результаты, обретает эпистемологическую предметность в когнитивном пространстве, в абстрактно-логической системе координат.

Данное «открытие» [19] формирует область фокусирования эпистемологической проблематики, связанную с изучением «природы» подобной системы координат. Является ли она проекцией человеческого сознания или служит объективным условием познавательного процесса, субстанционально заданным на уровне мироустройства? А возможно, существуют и еще какие-то решения этого вопроса? Движение в указанной логике развития эпистемологической проблематики приводит к осознанию принципиально важного факта: субъект познания способен формировать пространство движения собственной мысли, формировать систему координат, природа которой так долго остается предметом эпистемологических изысканий и весьма актуальным поводом для дискуссии. Именно осознание данной способности характеризует современный этап развития субъекта познания, в рамках которого акцент в эпистемологической проблематике смещается от дихотомии «субъективное – объективное» к исследованию *субъектности* познавательного процесса и формированию соответствующих представлений о природе познания, его объекте, эпистемологических особенностях знания.

Осознание субъектом способности формировать теоретико-методологическую систему координат, признание методологической природы любой системы отсчета, реализуемой в процессе познания, ведут к тому, что процесс познания перестают воспринимать как *отражение*, воспроизводство реальности в виде знания человека об окружающем мире или себе самом как его неотъемлемой части. Исследователь (исследовательское сообщество) постепенно осознает себя в качестве субъекта *формирования* знания. И в этом заключается суть складывающейся в современном теоретическом познании эпистемологической установки. Причем последняя не замещает прежних ориентиров познания. Скорее, она надстраивается над ними и постепенно трансформирует их в процессе образования новых онтологических представлений и эпистемологических принципов. Современные эпистемология и философия науки, принимая во внимание роль исследовательского сообщества в процессе формирования теоретико-методологического пространства теоретичес-

кого познания, ищут надежные познавательные пути между безысходностью солипсизма и самонадеянностью натуралистического объективизма.

Признавая методологическую природу пространства теоретического познания, эпистемолог должен принимать в расчет как факт опосредованности теоретических построений параметрами определяющей позицию исследователя теоретико-методологической системы координат, параметрами концептуальной системы, которая обуславливает их содержание, так и сам характер этого опосредования. Причем если первоначально открытие принципа подобного опосредования служит условием расширения познавательного горизонта *отдельных* исследователей (сообществ), осознающих себя в качестве субъектов *формирования* знания [20], то впоследствии (и этот процесс еще не завершен) принятие и операционализация данного принципа все глубже укореняются в методологическую культуру исследования, превращаясь в условие эффективности научной (и, шире, теоретической) коммуникации *в целом*.

Именно в этом русле осуществляется разработка методологических направлений, связанных с исследованием в современной науке вопросов полипарадигмальности, сопоставимости концептуальных каркасов, когнитивных моделей, исследовательских программ. В этом же русле выполняются современные исследования по построению неклассических логик, формируются междисциплинарные методологические программы сближения естественно-научного и социально-гуманитарного знания, ведутся исследования множественности онтологий, систем эпистемологических принципов.

Примечания

1. Кемеров В.Е. Необходимость субъекта // Субъект, познание, деятельность / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 2002. – С. 399.

2. Там же. – С. 399–400.

3. Там же. – С. 405.

4. Там же.

5. Там же.

6. Лекторский В.А. [Предисловие] // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 9.

7. Лойфман И.Я. Мировоззренческие штудии: Избранные работы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – С. 39.

8. Швырев В.С. Деятельностный подход к пониманию «феномена человека»: Попытка современного осмысления // Наука глазами гуманитария. – С. 356.

9. Микешина Л.А. Философия познания: диалог и синтез подходов // Вопросы философии. – 2001. – № 4. – С. 73–74.
10. Черникова И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 6. – С. 94.
11. Его самосознание, эпистемологически проявляющееся в качестве структуры концептуального горизонта, полагается краеугольным камнем познавательного процесса.
12. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. – С. 119.
13. Исследование предпосылок возникновения подобных феноменов и трудностей, которые с ними связаны, см., например: *Апель К.О.* Трансформация философии. – М.: Логос, 2001; *Патнэм Х.* Разум, истина и история. – М.: Практикс, 2002.
14. Ср.: *Поппер К.Р.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 305, 307, 310 (одиннадцатый, четырнадцатый и двадцать первый тезисы).
15. Ср.: *Маркова Л.А.* О возможности диалога в науке // Наука глазами гуманитария. – С. 311–312.
16. Здесь меняется не содержание, а концептуальное отношение между структурирующими его понятиями.
17. См.: Микешина Л.А. Философия познания: диалог и синтез подходов. – С. 70–83.
18. Постижение человеком окружающего мира является ключом к пониманию им себя самого. А поскольку постижение неразрывно связано с освоением, постольку познание «внешнего» мира не просто способствует пониманию человеком себя, своих скрытых черт, явных и неявных качеств, особенностей, но предполагает созидание им себя. Осознание, следовательно, является не просто постижением того, что есть, но прежде всего развитием, самосозиданием личности, человека как такового.
19. Связанное главным образом с именем И. Канта и заключающееся в признании доминантности человеческого сознания в качестве конститутивного фактора развития познавательного процесса.
20. См., например: *Манхейм К.* Идеология и утопия. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 66–69.

Уральский государственный технический
университет, г. Екатеринбург
E-mail: MVAmet@yandex.ru

Medvedev, V.A. Subject constituent of theoretical knowledge: trends in transformation of epistemological problems

At the present stage of the development of theoretical thinking, a subject of knowledge (a researcher or a corresponding professional group) becomes aware of being a subject of forming theoretical-methodological frames. Within the latter, criteria of scientific character, rationality, and adequacy of research work become a content of methodological reflection and get methodological sense. It requires for qualitative change in methodological culture of thinking, particularly for involving subject constituent of the process of knowledge.

Keywords: epistemology, subject, knowledge